

Эти житейские тяготы он мог нести только сам.

Ван Гуйлань открыла было рот, собираясь что-то сказать, но осеклась и в итоге лишь тяжело вздохнула:

— Решай сам, как знаешь. В конце концов, ты дома, что бы ни случилось — мы с отцом рядом.

— Да, я знаю.

Шэнь Ле кивнул и положил матери в тарелку кусочек ребрышек:

— Мам, ты тоже ешь.

После ужина Шэнь Ле хотел было сам убрать посуду, но Ван Гуйлань решительно его отстранила:

— Иди-иди, ступай к отцу, телевизор посмотрите, здесь я сама справлюсь.

Спорить с матерью было бесполезно, и он послушно вышел в гостиную.

Шэнь Цзяньшэ, сидя на диване, смотрел новости. Увидев сына, он похлопал по месту рядом с собой.

Отец и сын сидели плечом к плечу, в телевизоре транслировали международный обзор, но было очевидно, что никто из них не вникает в суть происходящего на экране.

— Какие... планы на будущее? — Шэнь Цзяньшэ, не отрывая взгляда от телевизора, произнес это негромко.

— Сначала посмотрю вакансии, изучу ситуацию на рынке, — Шэнь Ле ответил общими фразами. — Может, свяжусь с бывшими сослуживцами и друзьями, узнаю, есть ли какие-то возможности.

— Ну да, поспрашивай, присмотрись, спешить некуда. — Шэнь Цзяньшэ помолчал и добавил: — У нас с матерью еще остались кое-какие сбережения, если вдруг...

— Пап, — Шэнь Ле снова прервал его, голос его звучал твердо, — не нужно. Моего пособия по увольнению хватит на первое время. Вам главное — за своим здоровьем следить.

Шэнь Цзяньшэ взглянул на сына, увидел в его глазах непреклонную решимость и развивать тему не стал. Он знал характер сына: независимый, гордый, тот никогда не станет просить помощи у семьи, если есть хоть малейший шанс справиться самому.

В гостиной снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь звуками из телевизора.

Но эта тишина не была неловкой. В ней чувствовалось тепло и поддержка, которые с годами стали настолько естественными, что слова сделались излишними.

Шэнь Ле откинулся на спинку дивана, расслабив плечи, которые весь день были напряжены, словно пружина.

Атмосфера родного дома, запах маминой еды, молчаливая забота отца — всё это было подобно мягкой, но прочной сети, которая бережно подхватила его.

Усталость после долгого пути навалилась в полной мере, но тревога за неопределенное будущее, казалось, немного отступила.

Он вернулся.

Оставил позади коллектив с железной дисциплиной и четкими целями и вернулся в эту исходную точку, где, несмотря на всю теплоту, ему предстояло встретиться с реальностью в одиночку.

Путь впереди был туманен, но, по крайней мере, сейчас он был странником, вернувшимся домой.

Ван Гуйлань, закончив с кухней, принесла тарелку нарезанных фруктов и поставила перед сыном:

— Поешь фруктов, освежись.

— Спасибо, мам.

Шэнь Ле взял ломтик яблока — сочное и сладкое.

Тепло домашнего очага проявлялось в таких вот мелочах: в еде, в словах, в поступках.

Для Шэнь Ле, только что пережившего крутой поворот в своей судьбе, это, несомненно, была самая ценная тихая гавань посреди бушующего шторма.

Завтра ему придется вновь покинуть этот причал и выйти в открытое море реальности.

Но сегодня ночью он мог позволить себе сбросить тяжкий груз и снова стать для родителей просто сыном, за которого они так волнуются и которого так любят.

Этот парень и правда болтлив.

Слабое свечение экрана телефона в темноте не угасало: надпись о том, что собеседник печатает, мерцала, словно настойчивый сигнал.

Шэнь Ле держал телефон, застыв в полуприподнятом положении, и не знал, стоит ли отложить его или продолжать ждать.

Он не привык к такому формату мгновенного общения, несущему в себе оттенок навязчивости. В армии коммуникация была либо четким приказом, либо редким, сугубо деловым обменом любезностями между сослуживцами.

Ситуация, когда он отправил сообщение, завершающее разговор, а собеседник не только не собирался прощаться, но и явно сочинял следующий ответ, была для него в новинку.

И действительно, после короткой паузы сообщения посыпались одно за другим.

Ли Янь: Хорошо, что добрался! (смайлик)

Ли Янь: Устал сегодня? Пробки по пути из аэропорта были?

Ли Янь: Я вечером заезжал в университет, решал вопросы с клубом.

Три сообщения почти очередь. Сначала проверка, потом забота о дороге, а затем — непринужденный рассказ о себе.

Ритм был выверен идеально: не слишком навязчиво, но достаточно, чтобы продолжить беседу, превратив одностороннее приветствие в полноценный диалог.

Шэнь Ле смотрел на эти строки, особенно на смайлик, и его брови едва заметно дрогнули.

Этот парень...

А болтать он горазд.

Шэнь Ле почти физически представлял, как тот сидит, уткнувшись в телефон, и быстро стучит пальцами по экрану, а на его чересчур красивом лице играет та самая открытая, заразительная улыбка.

Он хотел больше не отвечать, чтобы собеседник понял намек и отступил.

Но такая искренняя, не знающая отказа пылкость выбивала из рук привычную стратегию холодного отстранения.

Игнорировать в открытую казалось слишком нарочитым и грубым.

Он снова сел на край кровати, слегка откинувшись назад. Телефон в его широкой ладони казался совсем крошечным. Поразмыслив, он решил, что отвечать на вопросы про усталость и пробки бессмысленно.

Кончик пальца коснулся холодного экрана, и он выбрал краткий ответ на последнее сообщение.

Шэнь Ле: Понятно.

Универсальный, расплывчатый ответ, не дающий никакой информации и не выражающий эмоций.

Его привычный способ создать дистанцию.

Отправить.

Он полагал, что теперь-то тот всё поймет.

Однако он недооценил упорство Ли Яня, или, вернее, тот вовсе не собирался играть по его правилам.

Надпись о том, что собеседник печатает, снова упорно появилась на экране.

Шэнь Ле едва не вздохнул.

Он потер переносицу, чувствуя, что поддерживать этот поток бессодержательного общения изматывает сильнее, чем интенсивная тренировка.

Сообщение от Ли Яня не заставило себя ждать, на этот раз довольно длинное:

Сегодня на лекции учитель привел очень забавный пример про лазейку в договорном праве,

весь курс хохотал. Никогда не думал, что нормы закона можно так трактовать.

Следом прилетело еще одно:

[Фото]

На снимке был уголок кампуса университета Хаоцзин.

Золотые листья гинкго устилали землю, словно плотный ковер, а древние здания в обрамлении листвы казались тихими и торжественными.

Композиция и свет были подобраны отлично — сразу видно, что снимавший подошел к делу с душой.

Ли Янь: Смотри, листья гинкго у нас в универе совсем пожелтели. Осень в Хаоцзине прекрасна, особенно на нашей Аллее гинкго, в это время года сюда все приходят фотографироваться.

Он делился всем подряд: от университетских баек до пейзажей, тон был легким и естественным, будто они не были едва знакомыми людьми, а давними друзьями, болтающими ни о чем.

Взгляд Шэнь Ле на мгновение задержался на фотографии.

Золотые листья, полные жизненной силы, тихой красоты — всё это так отличалось от ночной тьмы за окном и его собственной внутренней растерянности.

Это была красота обычной жизни, на которую он давно не обращал внимания.

В голове снова промелькнула мысль:

Болтливый.

Но, как ни странно, он не почувствовал раздражения.

В этих сообщениях сквозило искреннее желание поделиться чем-то хорошим, не было ни назойливых расспросов, ни неприятного любопытства.

Он был похож на щенка, который виляет хвостом и приносит тебе то, что кажется ему самому ценным, не требуя ничего взамен, просто выражая свою радость.

Эта чистота в какой-то мере смягчила его тревогу перед будущим. Хотя это ощущение было едва уловимым, он сам его почти не осознавал.

Желания много говорить у него по-прежнему не было.

Помолчав несколько минут, когда собеседник, возможно, уже решил, что ответа не будет, он снова взял телефон.

Что ответить на историю про забавный пример, он не знал, поэтому решил проигнорировать.

А насчет фотографии он всё же решил ответить.

Шэнь Ле: Красиво.

Снова одно слово.

Сухо, без продолжения.

После отправки он даже предчувствовал, что на том конце провода молодой человек по имени Ли Янь тут же начнет новую «бомбардировку».

Так и вышло: надпись о том, что собеседник печатает, словно сигнальная лампочка, загорелась снова.

Шэнь Ле отложил телефон на подушку и перестал следить за экраном.

Он встал, чтобы закончить разбор вещей, осторожно пряча в глубину ящика награды, напоминавшие о прошлом.

В комнате было тихо, слышен был лишь легкий шорох от его движений.

Но каждые несколько минут раздавался мелодичный сигнал — словно камешки, падающие в спокойную воду.

Он не спешил смотреть и не спешил отвечать.

Но каждый раз, слыша звук, он знал: это тот самый болтливый парень снова делится красками своего яркого мира.

Этот парень...

Действительно болтлив.

Шэнь Ле повесил последнюю вещь в шкаф, еще раз подтвердив эту мысль про себя.

Но...

Кажется, он не так уж и неприятен.

Эта мысль мелькнула, как блик на воде, не оставив глубокого следа.

Он закрыл дверцу шкафа, и тихий щелчок прозвучал в ночной тишине особенно отчетливо.

Утренний свет пробивался сквозь окно, рисуя яркий квадрат на старом письменном столе.

Шэнь Ле сидел перед компьютером, холодный свет монитора отражался на его жестких чертах лица.

Браузер был открыт на страницах нескольких сайтов по поиску работы — пестрый интерфейс и описания вакансий создавали мир, который был ему совершенно чужд.

Вчера вечером он уснул под аккомпанемент сообщений Ли Яня, и эти живые истории про осень и университет легли тонкой сахарной глазурью, на время прикрыв горечь реальности.

Но утром глазурь растаяла, и тяжесть неопределенности будущего стала еще ощутимее.

Он больше не мог ждать.

Пособие по увольнению могло обеспечить базовые нужды на какое-то время, но для него бездействие означало отсутствие смысла. Ему нужно было найти новые ориентиры, нужно было снова доказать свою состоятельность.

Первым шагом было составление резюме — этого самого базового пропуска в мир наемного труда.

Он открыл пустой документ.

Белое поле редактора было пустым, мигал лишь курсор — как глаз, ждущий команды, под стать его собственному опустошенному состоянию.

С чего начать?

Имя: Шэнь Ле.

Это просто.

А дальше?

Он напечатал «Цель поиска работы» и замер, держа пальцы над клавиатурой.

Цель?

Какую работу он хочет найти?

Он сам не знал.

Управление безопасностью?

У него были отличные навыки обеспечения безопасности и реагирования на ЧС, но что именно подразумевает корпоративная безопасность?

Начальник службы охраны?

Кажется, слишком мелко, да и опыта управления коммерческой охраной у него нет.

Личный телохранитель?

Он не был уверен, сможет ли привыкнуть к специфике работы «в тени» заказчика.

Военный инструктор?

Такие вакансии редки и обычно требуют действующих связей или специфических рекомендаций.

Он стер «Цель поиска работы».

Лучше начать с опыта.

В графе «Опыт работы» он торжественно вписал название части, ее номер, свое звание и должность.

Эти номера были его гордостью, его молодостью, политой кровью и потом.

Но что эти цифры значат для работодателя?

Поймут ли они, чего стоит звание командира штурмового отряда «Зуб дракона»?

Осознают ли, что стоит за коллективным орденом первой степени?

Он попытался «перевести» свой опыт на язык гражданской карьеры.

Он написал: «Обладаю выдающимися лидерскими качествами и опытом управления командой».

— Он командовал десятками элитных бойцов, выполняя сложнейшие задачи в экстремальных условиях.

Он написал: «Обладаю отличными навыками стратегического планирования, принятия решений и исполнения».

— Он принимал жизненно важные решения в ходе молниеносных тактических учений, где на кону стояла жизнь.

Он написал: «Стрессоустойчив, способен сохранять спокойствие в критических ситуациях».

— За этой сухой фразой скрывались свист пуль и дыхание смерти.

Он написал: «Отличная физическая подготовка, строгая дисциплина».

— Это самое элементарное требование.

Он смотрел на написанные пункты, и они казались ему бледными и слабыми.

Каждое слово было как масляное пятно на воде — оно не могло соединиться с его тяжелым, пропитанным порохом и потом опытом. Эти слова мог использовать кто угодно, а его уникальная ценность — воля, навыки и опыт десяти лет — словно уперлись в невидимую стену, не имея возможности пробиться сквозь тонкий лист бумаги.

Он нахмурился, бессознательно постукивая пальцами по столу.

Ощущение было отвратительным: будто его самое дорогое пытаются измерить легкой, пустой меркой, а он не может найти правильный масштаб.

Он продолжил попытки. В графе «Проекты» вписал несколько важных учений и боевых операций.

Но из-за режима секретности не мог раскрыть детали, приходилось использовать размытые формулировки вроде «участие в крупных военных операциях» или «руководство ключевыми этапами».

Это вызывало чувство досады, словно он танцевал в кандалах.

В графе «Профессиональные навыки» он перечислил: тактическое командование высшего уровня, владение различными видами оружия, выживание в дикой природе, разведка и контрразведка, рукопашный бой, вождение (включая спецтехнику)... Эти навыки, спасавшие жизни в бою, на рынке труда выглядели неуместно и странно.

Может, пойти в каскадеры или проводники в экстремальные походы?

Он даже внес список наград и достижений.

Длинный перечень поощрений и орденов, которые в армии были сияющими медалями, здесь казались грудой неустребованных баллов, выглядевших совершенно чужеродно.

Время утекало в молчаливом печатании и удалении текста. Количество слов в документе то росло, то уменьшалось.

Он перефразировал, пытаясь найти баланс между ценностью опыта, секретностью и понятностью для HR-менеджеров.

Этот процесс выматывал сильнее, чем марш-бросок.

Солнце переместилось по столу, яркий квадрат стал косым.

Шэнь Ле откинулся на спинку стула, потирая усталые глаза.

Резюме на экране, до сих пор не вызывавшее удовлетворения, было как зеркало, отражавшее его положение: солдат, покинувший привычное поле боя, неуклюже пытающийся найти себе место в новом мире с непонятными правилами.

Он ощущал глубокое бессилие и отчужденность. В этой системе, построенной на дипломах, стаже и сертификатах, он был чужаком, а его сила и профессионализм были отделены невидимой стеной.

В конце концов, он сохранил документ, который правил тысячу раз, но все еще казался дырявым и неспособным передать его суть.

Файл он назвал: «Шэнь Ле-Резюме-Черновик».

Черновик.

Это означало, что впереди долгий путь, что нужно многому учиться и ко многому адаптироваться.

Он закрыл документ, не решившись сразу отправить его куда-либо.

Он знал: с таким резюме велик шанс, что оно канет в Лету.

Ему нужно больше информации — понимать рынок, понимать запросы, понимать, как «хорошую сталь», выкованную в армии, превратить в «лезвие» для гражданской жизни.

Но этот первый шаг уже дал ему прочувствовать всю боль трансформации и трудность предстоящего пути.

Он встал, подошел к окну, глядя на стариков, гуляющих во дворе, и играющих детей.

Внешний мир был спокоен и обыден, а внутри него шла безмолвная, ожесточенная битва за будущее.

Резюме тихо лежало на жестком диске компьютера, словно немой вопрос, допрашивающий его о каждом следующем шаге.

Но сейчас не время.

Чувство досады от резюме легло на сердце Шэнь Ле тонким слоем пыли.

Он выключил компьютер, пытаясь физической нагрузкой разогнать это вязкое ощущение.

В маленькой гостиной он выполнял привычный комплекс упражнений: отжимания, приседания, работа над мышцами кора...

Движения были выверенными, ритм стабильным, пот стекал по бронзовой коже, оставляя темные пятна на полу.

Усталость тела могла на время притупить тревогу разума, но стоило остановиться, как неопределенность будущего вновь просачивалась внутрь.

Когда он закончил последний подход и вытирал полотенцем мокрые волосы и шею, экран телефона на журнальном столике загорелся.

Звук нового сообщения в тишине гостиной прозвучал особенно четко.

Шэнь Ле на мгновение замер.

Ему не нужно было смотреть, чтобы понять, от кого оно.

За эти дни чат с пометкой «Янь» стал самым активным местом в его телефоне.

У Ли Яня, казалось, была безграничная потребность делиться всем: от соевого молока и лепешек на завтрак в столовой до яркого заката, снятого во время вечерней пробежки, или силуэта одинокой лампы в библиотеке глубокой ночью...

Он был как неутомимый репортер, транслирующий Шэнь Ле свою насыщенную студенческую жизнь через текст и фото.

Ответы Шэнь Ле были, как всегда, краткими, если не сказать — скуными.

«Угу», «Ясно», «Хорошо», иногда чуть больше — «Видел» или «Неплохо» в ответ на особенно красивый закат.

Он был пассивным приемником, никогда не начинал диалог первым и никогда не развивал тему.

Он думал, что такой холодный отклик заставит любого здравомыслящего человека отступить.

Но Ли Янь явно не входил в категорию «нормальных».

Он, казалось, вообще не замечал холодности Шэнь Ле и с прежним энтузиазмом присылал фрагменты своей повседневности.

Шэнь Ле, который сначала думал «ну и болтлив», постепенно привык.

Эти сообщения были как птичий щебет за окном: пусть шумный, но не мешающий его внутреннему грузу, а иногда — когда он бывал подавлен мыслями о резюме и будущем — даже дающий слабую возможность отвлечься на другой мир.

Он подошел к журнальному столику и взял телефон.

<http://bllate.org/book/18738/1811985>